

LADDER

CLOTHES
LINE

AIRCON
UNIT

AIRCON
UNIT

ID:548420177

MALE

TEMP:36.8C

FACEMASK

STANDING

UNARMED

Кирилл Куталов

АНТИ
ТЕЛА

AIRCON
UNIT

AIRCON
UNIT

Кирилл Куталов

Антителя

«Издательские решения»

Куталов К.

Антитела / К. Куталов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536909-3

У них есть деньги, власть, сила: киберпсы, оружие, автозаки, законы, телевизор. У нас — ничего. Мы — пыль, статистические единицы. Но для вируса нет различий, и теперь каждый пытается выжить, а заодно и использовать по максимуму те возможности, что открыл внезапно наступивший апокалипсис. Для кого-то вирус становится возможностью свести давние счета, кто-то использует его как оружие против правительственной верхушки, а кто-то находит новый, ужасающий своей бесчеловечностью, способ обогащения... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-536909-3

© Куталов К.

© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I	6
1. Охр	6
2. А.	11
3. Лишнеv	15
ЧАСТЬ II	21
1. Китайская картинка	21
2. Кликер	23
3. Чума	26
4. Труп-тур	28
5. Таблица	30
6. Компенсация	32
7. Отец	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Антитела

Кирилл Куталов

Редактор Анна Баскаева

Корректор Мария Устюжанина

Дизайнер обложки Антон Ходаковский

Фотограф Оксана Баулина

© Кирилл Куталов, 2021

© Антон Ходаковский, дизайн обложки, 2021

© Оксана Баулина, фотографии, 2021

ISBN 978-5-0053-6909-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I

1. Охр

Воскресным утром полицейский дрон патрулирует воздушное пространство над районом Текстильщики.

Если увеличить изображение с его камеры, можно увидеть, как на стене кухни, расположенной на двадцать третьем этаже новостройки, включается телевизор, и во весь экран разворачивается знакомое каждому физическому лицу Президент-бота.

Президент-бот улыбается, склоняя голову к правому плечу. Угол наклона выверен до сотой доли градуса – это новая черта, она подключилась в пятницу, после Выборных игр, в точном соответствии с запросами электората. По сравнению со своей предыдущей версией Президент-бот выглядит моложе и свежее: поубавилось мимических морщин в уголках глаз, стала чётче линия подбородка.

Президент-бот приветствует с экрана страну, город и жителей квартиры на двадцать третьем этаже – огромного человека, как будто слепленного из комьев глины, и девочку четырёх лет, которая сидит у огромного человека на мощной короткой шее, свесив ноги ему на грудь.

Через высокое в пол окна человек и девочка смотрят на окраину Распределённой метрополии. Система микроклимата включила затемнение, и снаружи дом выглядит как гигантское зеркало. В поляризованном свете солнце кажется масляным желтоватым шаром.

Внизу под солнцем идёт стройка.

Из окна кухни стройка напоминает чертёж будущего микрорайона, на котором начали собирать макет в масштабе один к ста. Квадраты коричневой глины примыкают к квадратам жёлтого песка, по тёмному дну котлована ярко-жёлтыми жуками ползут четыре экскаватора, плоскость земли расчерчена на секторы бетонными швами подъездных путей, тут и там лежат штабели зелёных и голубых труб, похожих на детали конструктора, от белого навеса проходной текут тонкой цепочкой рыжие каски рабочих.

В отдалении за зелёной лесополосой обломком сгнившего зуба торчит закопчённая кирпичная труба и темнеет остов старого заводского корпуса – последняя промзона метрополии, почти смытая в прошлое бетонным ливнем новых кварталов. Скоро трубу сточат в пыль, чтобы вкрутить вместо неё сияющий многоквартирный имплант.

Небо над стройкой белыми шрамами прорезают четыре инверсионных следа – четыре самолёта разлетаются в разные стороны бесконечного пространства.

– Самолётики, – тихо говорит девочка, проглатывая букву «л». – А куда они летят?

– Вон тот – на запад, тот – на юг, этот – на север, а последний, вон тот – на восток, – огромный человек прижимает лицо к светло-жёлтым волосам девочки. Его голос звучит низко, как двигатель джипа на холостом ходу.

– А почему их так много?

– Потому что мы живём в самом лучшем месте на земле, – воздух внутри лёгких огромного человека отталкивается от стальных рёбер и выходит из внутренней тьмы через узкий, похожий на шрам рот. – И все люди хотят к нам приехать.

– А они хорошие, эти люди?

– Конечно хорошие.

– А если они вдруг плохие?

– А если они вдруг плохие, – огромный человек подхватывает девочку двумя пальцами за подмышки, – я буду тебя от них защищать! Потому что кто я?

– Ты Охр, Охр, – смеётся девочка, уворачиваясь от щекотки.

Человек улыбается шрамом рта, прижимает девочку к груди и делает корпусом движение, как будто уклоняется от удара – влево, вправо, снова влево, Президент-бот смотрит на них с экрана, и его зрачки движутся в том же ритме, что и корпус огромного человека: влево, вправо, снова влево.

Человек опускает девочку на пол, она бежит от него, её смех стихает в глубине квартиры.

Оставшись в кухне один, он упирается руками в створки окна, поднимает голову и смотрит в небо, где над районом нарезает круги полицейский дрон.

К системе наблюдения его подключили девятнадцать лет назад, через год после Восстания детей. Девятнадцать лет дрон отмечает его местоположение днём и ночью. Горит зелёная точка на часах: зона уверенного приёма. Если Охр произнесёт вслух кодовое слово, выдержав перед ним и после него секундную паузу, система поднимет тревогу, усиленный псами кибергвардии наряд получит команду на выезд.

Он ни разу за девятнадцать лет этой штукой так и не воспользовался.

Когда началось Восстание, Охр только вернулся после первой африканской командировки. Приказы не обсуждал. Ему сказали: «Подавить любой ценой». Он пошёл и подавил вместе с другими парнями из «Стальной фаланги».

Во время любых операций лица бойцов «Стальной фаланги» должны быть закрыты масками. Так было всегда, и сейчас, и двадцать лет назад тоже. Но тогда, после подавления Восстания, что-то пошло не так – их нашли и сдеанонили, а потом начали убивать по одному.

Первого спецназовца из «Стальной фаланги» расстреляли у подъезда. Зацепили двух гражданских, одного насмерть. Ещё двух из отделения Охра взорвали через два месяца вместе со служебной тачкой. Потом убивали, не разбирая: двоих техников из взвода обеспечения, троих десантников из Рязанского училища. В самом подавлении они не участвовали, стояли в оцеплении где-то в районе Нового Арбата, но кого это волновало.

Убивали их напоказ, на камеру, фиксировали всё в деталях: фото, видео с разных ракурсов. Снимки и ролики с хэштегом **#казнь_палачей** банили во всех соцсетях, а они снова появлялись в анонимных аккаунтах, и концов было не найти.

Тогда их, его и других парней, вызвали на инструктаж и сказали, что подключают к системе наблюдения. Следить теперь за ними будут, сказали, двадцать четыре на семь.

Они ещё прикалывались: что теперь, никакой личной жизни?

– У вас её по уставу быть не должно, – огрызнулся инструктор.

Сержанта, с которым Охр зачищал баррикады на Арбате, заперли в дурке через пять лет. За месяц до того, как выбежать голым на разделительную Ленинского проспекта с автоматом в руках, сержант звонил ему ночью пьяный, орал в трубку, что программа наблюдения – обычная наружка, потому что после той делюги их боятся даже там, он сам знает где, и теперь держат на мушке, а когда станут не нужны, нажмут на пульте дрона кнопку, он сам знает какую.

Охр подмигивает невидимому дрону в небе над Текстильщиками.

Смотрит на часы. На запястье выше ремешка наколоты три крошечные буквы: «Охр». «Охр» – первое слово, даже не слово, а крик, которым дочь встретила его, впервые увидев. Назвала его так задолго до того, как научилась говорить – будто крошечным ртом младенца произнёс это слово древний бог, который убивал и воскрешал из мёртвых. Он взял себе новое имя, выбил его на запястье.

Жена поджала губы, когда он вернулся с татуировкой: это вообще что? Сказал: она меня так назвала, теперь это моё имя. Дочь смотрела, улыбалась и повторяла на языке, понятном только ей и ему: охр, охр, охр. С тех пор он был Охр, а своё прежнее имя оставил только для службы, для командира и документов.

Половина восьмого, пора выходить.

Джип «Великая стена» выезжает из разбитого стройкой двора на Рязанку. Монитор сбоку от приборной панели подключён к серверам СОН – полицейской Системы обнаружения несоответствий. Система собирает и анализирует сигналы о подозрительных физических по всему городу. Сегодня уровень тревоги стоит на отметке «Жёлтый» – в полдень на Тверской ожидают несоглас, пять-шесть сотен физических. С вечера в переулках ждут команды металлические псы кибергвардии.

Охр переводит СОН на голосовое управление.

– Центральный сектор, камера дрона.

СОН переключается на дрон над Тверской. Несопответствий не обнаружено.

– Центральный сектор, подземка.

СОН выводит на экран камеры в метро. Людей мало – восемь утра, воскресенье. Трафика почти нет, сигнал идёт свободно, можно подключиться к любой камере, можно объединить потоки нескольких камер в один и пролететь вдоль поезда, от одного вагона к другому, от одной станции к следующей. Жёлтая полоска в верхней части экрана темнеет, уходит в оранжевый.

– Рапорт.

– Красная ветка, середина состава, камера напротив дверей. Уровень тревоги жёлтый плюс, – отвечает синтетический голос.

– На экран.

Охр сбрасывает скорость, перестраивается в правый ряд, вплотную смотрит за дорогой. На экране – бесконечный метровагон без перегородок. У дверей стоят трое, здоровые, под два метра, в свободных спортивных штанах, баскетбольных кроссовках, на всех линиях футболки. Тёмный уличный загар – руки до локтя, шеи до воротниковой зоны. Вокруг пояса у двоих повязаны кофты с капюшонами. Металлоискатель во внутренней обшивке вагона ничего не обнаружил, но под кофтой может быть керамический нож или пластиковый хлыст. Трое смеются, говорят тихо, микрофон в вагоне ничего не фиксирует. Толкают друг друга в грудь, хлопают по плечам, как на разминке. Поезд останавливается на Кузнецком. Трое выходят. Перед тем как переключить камеру, Охр ставит на них маячок – теперь за ними следит весь СОН. Если подойдут близко к району несогласа, уровень тревоги поднимется до красного, к здоровякам направят ближайшего патрульного, за патрульным, клацая лапами по асфальту, побежит кибергвардеец, зависнет в небе метрополии невидимый дрон.

В девять Охр паркуется на Дмитровке возле Центра Выборных игр, массивного серого здания с гербом. Выходит и идёт пешком вдоль улицы, осматривает местность.

Физических на Дмитровке немного. СОН подсказывает: основная масса собирается сверху, возле Тверской, где клацают сочленениями хромированных ног кибергвардейцы. Выходной, лето, солнце, день будет жарким. Охр всё рассчитал: несоглас начнут в полдень, поорут часов до двух, потом будет команда на задержание, гвардейцы погонят толпу, он с парнями упакует человек десять – всех, кто с плакатами, и тех, кто рядом с ними – и закончат к четырём, потом домой.

Навстречу Охру по тротуару едет велокурьер. Доставка еды, жёлтый короб за спиной, чёрные волосы, аккуратно подстриженная подкова бороды, над верхней губой выбрито. Охр встаёт поперёк тротуара, перегораживает проезд. Курьер видит: не проскочить, рулит на про-

езжую часть, не успевает сбросить скорость, переднее колесо соскакивает с бордюра и упирается в морду чёрной БМВ. Велосипед приподнимается в стоппи, зависает в замедленной съёмке над чёрным капотом, заваливается набок и падает с металлическим дребезгом. Жёлтый короб раскрывается, из него летят на асфальт картонные пакеты и коробки, одна коробочка рвётся, выплёвывает на дорогу жирную горячую пиццу, пицца тут же попадает под колесо проезжающего мимо минивэна, гудки, крики, в воздухе пахнет едой.

Автобус «Стальной фаланги» стоит в тени голубых елей возле здания с бородатými мужиками на фронтоне.

Возле автобуса к Охру подходит прапорщик: новый командир лично приезжал в половину седьмого, проверял готовность состава.

– Я ему говорю, командир, воскресенье же, все нарушители спят после субботнего.

– А он?

– Ушёл куда-то злой. Тебя вспоминал.

– Вспоминал, ещё бы. Вызывал на днях, для беседы. Почему, говорит, до сих пор на выездах, почему не на оргработе, кабинет был бы. Пояснил ему: видел я этих, в кабинетах, до семидесяти лет ляжку тянут. А я не хочу. До пенсии дослужу и уеду, у меня через пять лет другая жизнь будет.

– И он такой: не понял?

– Ну. Спросил, как он это системе оценки качеств личного состава представит.

– А ты ему?

– А я ему: я без понятия, это вы в кабинете сидите, а мне на выезд надо.

– И что, правда уедешь? Через пять лет?

– Вообще легко.

Один из бойцов, новенький, в полку недавно, перевёлся неделю назад, просит разрешения обратиться. Говорит, выше на Тверской кибергвардия потоптала физического, сломали ему то ли руку, то ли ногу.

Охр усмехается.

– У них прошивка такая. Предупредительный выстрел, упреждающий удар. Чтобы без фаеров и масок. Если мирный – получит компенсацию по страховке. Если найдут запрещённое – значит, за дело. Наша задача какая?

– Охранять правопорядок.

– Ну и всё. Считаю, выполнили.

Новенький отходит.

Охр с прапорщиком возле автобуса, парни сидят внутри. Мимо них к Тверской идут физические, косятся на Охра. Он привык: больше смотрят – меньше проблем. Упреждающий удар, предупредительный выстрел. Силу должно быть видно.

– Двоих со мной оставь, – говорит Охр прапорщику. – Буду тебя вести отсюда, куда идти и кого брать. Пошумите там, особо не калечьте.

Они ждут в тени голубых елей. Ждут два часа, три. В половину первого физические начинают отступать от Тверской, идут вниз, в сторону Дмитровки. Слышно, как сверху лязгают лапы киберпсов, а из их динамиков раздаются режущие ухо синтетические звуки, похожие на медленный невесёлый хохот: «Ха! Ха! Ха!»

Несоглас отесняют в каменный рукав Столешникова.

Поток людей растёт: течёт мясная река, сперва медленно, редко, потом всё быстрее и гуще. Задроты, цивилы, дохляки, женщины, хиппари, педики, торчки, разноцветные, неподготовленные. Каждый проходящий поворачивает голову в сторону Охра – огромного человека

в чёрной форме с крошечным, похожим на шрам ртом. На голове у человека тесно натянут выцветший до рыжего берет, большие пальцы заложены за тактический ремень. С монитора на крыше бутика *Louis Vuitton* ласково смотрит переизбранный Президент-бот.

Люди текут с Тверской и собираются, как вода в яме, на пересечении Столешникова и Дмитровки. Охр с парнями ждёт команду.

СОН показывает оранжевый уровень угрозы – дрон засёк у кого-то плакат с агитацией. Пришли делать картинку, как всегда, после Выборных игр. Они сами так говорят: делать картинку. Расчёт на то, что Охр и его ребята применят силу, толпа начнёт снимать, постить в соц-сети. Типа полицейский террор в Распределённой метрополии. Охр знает: применят с удовольствием. Подавят, как всегда, любой ценой.

Дают команду на разгон. Охр свистит своим: стройся! Парни натягивают балаклавы, выходят из автобуса. «Стальная фаланга» Распределённой метрополии встаёт под барельефом с тремя бородатыми мужиками. Щёлкают друг о друга пластиковые щитки на плечах, сжаты кулаки в тактических перчатках, на поясных петлях висят дубинки, у Охра в кобуре – личный «Глок». Он проходит вдоль строя, поправляет на прапорщике броник, одёргивает на новичке х/б – под наплечниками ткань натягивается до хруста. Перекрёсток Столешникова и Дмитровки белеет лицами физических. На их лицах страх. Парни смотрят в толпу как на пирог – сейчас они его разрежут на восемь равных кусков.

– На разделение, – бросает Охр.

Фаланга выступает в боевом порядке. Забрала опущены, в руках дубинки, с каждым шагом из лёгких сквозь чёрную ткань балаклав рвётся мощное «Ха!», и этот крик громче, чем механический смех стальных псов.

Толпа подбирает щупальца, физические жмутся к стенам, к дверям магазинов. Те, что вдали, уже бегут прочь, а фаланга наступает, горят за забралами глаза, стучат сердца под кевларовой бронёй.

– Плакат на три часа, – говорит Охр в рацию, и фаланга разворачивается в цепь, окружает физического, который тащит из-под толстовки ватманский лист с чёрными буквами. Рука в тактической перчатке тянется к листу, сминает его в эффектном кадре, другая опускает на плечо физического резиновый стержень спецсредства. Физический оседает, падает на колени, кричит от боли. Вокруг него – пустота, пузырь ужаса. Через мгновение внутренняя поверхность пузыря обрастает объективами камер, всё, что может снимать и записывать – снимает и записывает, 5G плывёт от нагрузки, из толпы кричат «Позор!», Президент-бот улыбается с экранов, ярость плавит воздух над перекрёстком.

– Я народ! Я твой народ! – кричит бойцу физический.

– Ебал тебя я в рот, – рычит боец и бьёт носком берца в солнечное сплетение, перебивает дыхание, физический корчит рот, изо рта и глаз текут слюна и слёзы.

СОН регистрирует: от толпы отделяется девушка в длинном и сером, с татуировками на руках и шее, тощая, тень человека, а не человек. Она бросается к физическому на асфальте, встречает грудью кулак бойца «Стальной фаланги», падает рядом. Рвётся ткань, блистеры с какими-то таблетками летят под ноги, с коротким шипением лопаются белый пластиковый пузырёк, как микровзрыв.

Их поднимают, этого с плакатом и эту в сером, несут, по дороге её роняют на асфальт, она падает, почти сливаясь с ним.

СОН регистрирует: в толпе появился физический в маске, его засекли три уличные камеры и дрон возле *Nobi*. «Маска, берём», – звучит в интеркомах «Стальной фаланги», двое бойцов разворачиваются и без усилий, как кожу скальпелем, режут толпу, бегут вдоль Дмитровки.

2. А.

Грипп накрыл в такси.

Высушенный и прокопчённый, пропитанный насквозь чёрным чаем, насваем и гашишем таксист привёз в бесконечную пробку на Лубянке. Время застывало эпоксидкой, намертво склеивая реальность: сорок минут, сорок пять минут, пятьдесят – и всё те же машины по бокам, те же экраны на зданиях. До дома оставалось не больше четверти часа пешком, но уже болело в глубине черепа, за глазами, а суставы на пальцах рук ныли, как ударенные дверью. Впору было не идти, обгоняя пробку, а лежать, хотя бы в этом прокуренном салоне корейской тачки, собранной на заводе под Саратовом, слушать приглушённое радио, тягучую, как вода посреди ночи из-под крана на кухне, неразличимую восточную музыку. Главное – не заснуть.

Водитель посмотрел на А. в зеркало заднего вида.

– Как вы себя чувствуете? Всё хорошо?

Заметил, что заболела? Испарина на лбу? Глаза блестят? Через два дня грипп догонит и его. Хорошо бы, у него не было ничего хронического, тогда пройдет без осложнений. Таксисты больничный не берут. Идеальные распространители, биологические бомбы.

Светофор впереди переключился, машина дёрнулась, продвинулась ещё на десять метров. Сверху лился свет трёх экранов, установленных на трёх зданиях вокруг площади: на «Детском мире», на Министерстве противодействия несоответствиям и на здании, где вход в метро, поверх двух арок-туннелей.

С экранов улыбался Президент-бот. Набрал воздуха в лёгкие – рендер был идеальный, не придраться, не отличить от живого человека – и заговорил. По нижней части экрана побежал текст, в правом углу зачернел раздавленным жуком QR-код для перехода на мобильную версию трансляции. Это была первая речь Президент-бота после Выборных игр. Обращение к нации.

– Хорошо ведь, что молодой! – снова заговорил таксист. – Идут навстречу людям. Всё как мы хотели. Вы согласны со мной?

А. вздохнула. Когда озноб стихал, на заднем сиденье становилось тепло, мягко и хорошо.

– Это же программа. Картинка. Там нет человека. Какая разница, как выглядит картинка? Она может как угодно выглядеть.

– Зачем так говорите? Это же искусственный интеллект, – таксист поднял палец. – Он обучается, и нам хорошо. Мы ему говорим на выборах, что от него хотим, а он делает. Это лучше, чем когда человек там.

– Где?

– Там, – таксист дёрнул головой вверх. – Во власти. Человек может быть злой, жадный, для себя всё делать, а у программы ни злости, ни жадности. Только разум!

На слове «разум» таксист хлопнул руками по рулю.

– Э, куда! – он резко надавил на клаксон.

Справа, расталкивая беспилотные болванки, протискивался бело-голубой джип «Великая стена» на забрызганных грязью внедорожных колёсах.

– Вот люди что делают, видите? Что хотят! Не уважают никого. А искусственный интеллект – это разум, чистое сознание. Да куда ты лезешь, чёрт!

Картинка на больших экранах над площадью поменялась. Лицо Президент-бота стянулось в небольшой прямоугольник и отползло в левый нижний край, уступило место выпуску новостей.

Люди в тёмных костюмах торжественно открывали мост через большую реку, название которой А. не удавалось разобрать. Река была холодного тёмно-защитного цвета, над ней дул ветер, поднимались волны. Камера показывала опоры моста – бетонные надолбы идеальной

формы и идеального серого цвета в тон небу – и двутавровые балки, соединённые заклёпками размером с человеческую голову. Люди в костюмах стояли посередине моста, один из них – его камера брала крупнее прочих – разрезал ножницами красную ленту. Лента полетела по ветру, пересекая реку и небо, празднично мелькнула на сером и защитном, исчезла.

Затем показали новую ветку пригородной электрички, скоростной поезд, похожий на космический корабль, с серыми футуристическими формами. Внутри поезда живым коридором стояли и улыбались работники железной дороги в серой форме, на машинисте была красная фуражка, а вдоль живого коридора шёл ещё один человек в тёмном костюме, и снова камера брала его крупным планом. Потом пустили сюжет про свиноферму – чистый, отмытый до ровного серого цвета свинарник, розовых свиней, фермеров в белых халатах. Следом за фермой дали воинскую часть за Полярным кругом, на воротах части триколором: «Стабильность. Соответствие. Единство» – девиз Распределённой метрополии.

Внизу в лучах экранов стояла пробка – уже второй час. Водитель такси поглядывал искоса на экран, улыбался. А. посмотрела влево – в соседнем беспилотнике к оконному стеклу прилипли две физиономии, женская и детская, они тоже улыбались, как и её водитель, как следовало улыбаться каждому физическому во время просмотра новостей: каждый день, круглый год, вчера, сегодня, завтра.

Хотя завтра, возможно, всё будет иначе. Завтра А. и Росомаха покажут им другую картинку.

Если, конечно, этот грипп не добьёт А. уже сегодня.

Гриппом А. болела по два раза в сезон, всегда одинаково: голова, горло, суставы, озноб.

Когда озноб отступал, А. начинала любить свой грипп. За то, что настоящий. За то, что им не может заболеть рендер, бот, молодежавый человек на экране. За то, что грипп и миражи Распределённой метрополии – явления разной природы. Не любила только, что грипп каждый раз начинался перед несогласом. За сутки поднималась температура, и начинало саднить в горле. Или, как сейчас, ломило пальцы, и, если закатить глаза, темнота под веками вспыхивала искрами боли, а руки и ноги наливались тяжестью.

Она говорила Росомахе: это древнее, как Великая Мать, просыпается внутри, восстаёт против алгоритмов Распределённой метрополии, отключает иммунную систему. Тело выходит на собственный несоглас: пятьдесят килограммов физической плоти против искусственного интеллекта.

Росомаха отвечал: тело твоё – предатель, играет за команду упырей, за псов-кибергвардейцев, за убийц из «Стальной фаланги», за колонны автозаков вдоль бульваров, за маску Президент-бота на экранах.

Говорил, покажи ему, кто здесь хозяин, ты – личность, носитель идей, борец с режимом – или эта груда костей?

За «грудой костей» получил от неё неделю бойкота и даже цветы купил впервые в жизни.

Больше, чем грипп, её бесил запас таблеток, который приходилось носить с собой, чтобы не умирать прямо на улице. Чтобы сбивать температуру, освобождать отёкший нос, отправлять в нокдаун чёрта, скоблившего ножом в глубине горла.

Слишком много таблеток для любого полицейского: слишком похоже на другую статью, удобный повод упаковать и доставить в отделение, а там – откатают пальцы, внесут данные в СОН, вживят в плечо чип, и привет, постоянный надзор. А пропаганде больше ничего не надо: как же, наркозависимые на уличной акции! И её фото за колченогим столом в отделении, если повезёт, то с чёрной заглушкой поверх глаз, а на столе – россыпь таблеток. Расскажи им потом, что это парацетамол, колдрекс, антибиотики в желатиновых капсулах, что это

не отходняк после амфетамина, а чёртов грипп, просто чёртов грипп в середине лета, когда ни у кого больше этого чёртова гриппа нет.

Когда подъехали к дому, сталинке в переулке рядом с Большой Спасской, её снова коло-тило в ознобе, и хотелось одного: завернуться в одеяло, прижать колени к животу и закрыть глаза.

В углу просторной кухни стоял накрытый чёрным покрывалом телевизор – как попугай, которого отправили спать, накинув на клетку полотенце. Так Росомаха блокировал датчик дви-жения – система считала, что в квартире никого нет. Простой трюк, работал только на старых моделях.

Окно в одной из комнат было заклеено голографической плёнкой – обманкой для дро-нов. Если смотреть снаружи, то видно в него было всегда одно и то же: стол, стул, кровать, закрытый шкаф. Изнутри Росомаха для надёжности заделал окно пенопластом и ковриками для йоги, чтобы не засекли тепловизором или виброметром. После этого комната на первом этаже сталинки превратилась в непроницаемый для внешнего наблюдения бункер: преступле-ние покруче, чем маску надеть посреди улицы.

В бункере Росомаха готовил плакаты: выписывал по расчерченному на квадраты ватман-скому листу буквы слоганов.

– Сразу развернём?

– Подождём, пока толпа соберётся. Когда оттеснят и начнут винтить.

У Росомахи были длинные и жилистые руки, как у скалолаза, бандитский подбородок и невысокий лоб. Он был похож на Росомаху из комикса – даже бакенбарды отпустил – только в лёгкой категории, сухой и быстрый. А. говорила: тебе пойдут татуировки, рукав в японском стиле. Он смеялся: зачем, это же особая примета. А. делала новую тату раз в полгода. «Это мой спорт», – отвечала, когда спрашивали, куда ей столько и осталось ли ещё место. Ей нравилось трогать свежий рисунок, нравилось острое ощущение исколотой кожи, нравилось чувствовать мир на один слой чётче.

– Я таблетки принёс, – сказал Росомаха. – На столе, на кухне.

– Теперь хорошо бы меня с ними не повязали. Потом скажут, что наркотики.

– Всё равно скажут. Они всегда это говорят.

Он закончил рисовать. На полу лежали два ватманских листа с разными лозунгами. «ЧЕЛОВЕК – ЭТО НЕСООТВЕТСТВИЕ» и «ВЛАСТЬ ЧЕЛОВЕКУ».

– Как думаешь, какой взять?

– Давай оба возьмём, а там посмотрим по ситуации.

Ночью в температурном мороке А. снится, что ей четыре года, она лежит в своей кровати, на неё накатывает её первый детский грипп. Свет блестит, будто воздух стал твёрдым, а потом со стеклянной раскрашенной под кусок агата лампы под потолком свешиваются и тянутся к ней узкие и гибкие тёмно-коричневые дракончики размером с кошку, с зазубренными хвостами и чёрными беличьими глазами на сморщенных лицах старичков. А. кричит родителям, пока-зывает рукой на лампу: смотрите, смотрите, вот они! Взрослые возле кровати поднимают лица к потолку и вместо того, чтобы прогнать тварей, начинают фотографировать их на смартфоны, показывать друг другу снимки, смеяться и неразборчиво о чём-то говорить, как будто А. нет в комнате, и как будто под потолком не вертится клубок блестящей, как радар-блоки киберп-сов, плоти.

А. просыпается в лихорадке.

В воскресенье, в одиннадцать, в толпе напротив жёлтой церкви в ста метрах от Тверской она находит точку равновесия, прислонившись к гранитной стене, зеркальной и прохладной, как остуженный парацетамолом лоб. На стену отбрасывает тень огромная липа, до А. добираются только редкие блуждающие лучи. Когда рядом проходит человек, она чувствует запах духов, запах пота, запах табака. Росомаха где-то неподалёку, под футболкой у него обёрнут вокруг тела лист с нарисованным лозунгом. Можно закрыть глаза, нырнуть в темноту, потом открыть глаза, всплыть на поверхность и снова увидеть его, вот он, в двух метрах, в трёх.

Движение в толпе возникает внезапно, как будто вынимают пробку из ванны с водой. Люди начинают идти, бежать, наталкиваются друг на друга, звуки становятся громче и беспорядочнее, потом в шуме возникает ритм – тяжёлый ухающий звук «Ха! Ха! Ха!» – и когда она в очередной раз открывает глаза, видит Росомаху, он протягивает ей руку:

– Бежим, вытеснять начали!

Вдали солнце блестит на хромированных лапах псов.

А. отталкивается спиной от прохладной зеркальной стены, плывёт за Росомахой в горячей волне, в человеческой раскалённой реке. Солнце падает сверху, гигантским катком катится по толпе, осколки света летят из окон и витрин в глаза. Позади плавают в пластиковой оболочке чёрных радар-блоков кибермозги. Из динамиков раздаётся: «Ха! Ха! Ха!», как будто смеётся кто-то невесёлый, стальные лапы скребут по асфальту.

Они доходят до пересечения с Дмитровкой, встают в толпе возле фонаря, напротив витрины *Louis Vuitton*.

– Ты как?

А. смотрит на Росомаху:

– Я, как обычно, в чёртовом гриппе. Я клетка революционного вируса в теле общества, ты же в курсе. Доставай плакат.

Вокруг них обычные воскресные физические, пушечное мясо, хиппи, цветные, доходяги, торчки, женщины, ветераны движения с 2012 года.

Росомаха запускает руку под футболку, дёргает, как будто это не плакат, а бомба, поднимает над головой.

Чешуйки засохшей туши падают, кружась в воздухе как чёрный снег. Они ещё не успевают осесть на его волосах, а справа из тени, от барельефов с бородатыми мужиками, выдвигается «Стальная фаланга». Бойцы быстро и смешно идут короткими, как в спортзале на разминке, шагами. Возле бетонного здания под синими соснами стоит огромный человек с узким шрамом вместо рта, его небольшую голову обтягивает выцветший рыжий берет.

3. Лишнев

Бизнес-аналитик туристического агентства «Антидот» Лишнев обычно обедал в одиночестве – не в офисной столовой, а в кофе-зоне за углом от ресепшена.

Еду Лишнев приносил с собой, в пластиковых контейнерах. Он бы и за рабочим столом ел из своих контейнеров, но так делать ему запретила Марина, вице-президент по клиентскому сервису, сказала: пахнет твоя курица на весь опенспейс.

Девочкам на ресепшене тоже пахло, но прямо сказать Лишневу об этом они не решились и не любили его молча, даже по утрам не здоровались, как будто не было его в природе: не человек, а пустота с запахом курицы.

Место в офисе у Лишнева было козырное, насиженное, у дальней от входа стены, в углу, и в рабочее время он для разгрузки смотрел порно, а когда заводился так, что не мог больше терпеть, шёл в офисный туалет и мастурбировал, сидя на унитазах.

Контейнер из-под еды тоже мыл в туалете.

Дежурный охранник офиса видел на своих мониторах всё, что происходило в опенспейсе, и мог догадаться, почему Лишнев проводит в туалете так много времени, но, как и девочки на ресепшене, предпочитал с ним не связываться.

Лишневу полгода назад исполнилось сорок. Он жил один в маленькой съёмной квартире на улице Вавилова, неподалёку от метро «Университет», хотя прописан был в гораздо более просторной трёшке на Большой Спасской вместе со своим отцом. Отец Лишнева вскоре после смерти жены поселил у себя женщину Любу. Люба вела хозяйство, убиралась, готовила и спала с отцом в одной постели. Она была на тридцать лет моложе отца Лишнева и на два года старше самого Лишнева.

В прошлом году Лишнев заезжал к отцу проверить, что у него и как – Люба мыла пол в белой комбинации на тонких бретельках, чёрных велосипедках до середины мощных икр и чёрных хозяйственных перчатках. Перчатки от воды блестели как в БДСМ-порно. От Любы пахло горячо и потно, жёлтые волосы прилипли ко лбу, лицо у неё было розовое, а рот – большой и шумный, она всасывала через него воздух и громко выдыхала, как будто штангу поднимала. Когда Лишнев вошёл, Люба поздоровалась с ним и продолжила мыть пол, низко наклоняясь и отставляя зад, а потом остановилась, разогнулась и спросила Лишнева, почему он так на неё смотрит.

С тех пор Лишнев в квартире на Спасской не появлялся.

Он нашёл в сети ролики с milfsами, похожими на Любу по возрасту и телосложению. В одном из роликов milfsа доминировала над тощим парнем с длинным и тонким членом, сидела крутым задом у него на лице и мочилась ему на грудь. Лишнев досмотрел ролик в офисном туалете, поставив телефон на полочку рядом с унитазом.

В рабочее время, кроме просмотра порно, Лишнев сводил в экселе цифры, отслеживал тренды по рынку и писал отчёты для директора агентства Серёжи. В кабинете Серёжи, угловом стеклянном аквариуме с видом на Лужники, стоял винный холодильник – Лишнев как-то погуглил пару этикеток и пришёл к выводу, что на вино Серёжа тратит в месяц больше, чем у него, Лишнева, зарплата.

Серёжу Лишнев презирал и в глубине души желал агентству «Антидот» прогореть, а Серёже – разориться и пойти по миру вместе со своей Мариной. Все знали: они спят. Пришла в июле секретаршей, а в январе стала вице-президентом, нормально такое вообще?

По пятницам Марина приходила в офис в розовом спортивном костюме, плюшевом, с вышитой на спине короной, иногда надевала с костюмом серебряные туфли на высоких и тонких каблуках, и губы у неё были как компрессором накачаны.

Лишнев подслушал, как она говорила возле кофе-машины, что губы подарок папы с мамой, типа она их не сделала, типа они у неё натуральные. Конечно, рассказывай.

Напротив офиса «Антидота» над главной ареной Лужников чернел на фоне Воробьёвых гор плазменный экран в форме огромного кольца. Обычно на нём весь день в панораме 360⁰ показывали новости – про открытие новых мостов, урожай и международную обстановку.

В пятницу, после Выборных игр, экран с утра не работал – избирком считал голоса, а рендерная служба обрабатывала данные. В половину шестого по чёрной поверхности плазмы протянулась наконец ярко-белая полоса и развернулась в стабильно чёткое изображение – страна получила окончательный рендер свежеизбранного Президент-бота.

Внизу, на причале Воробьёвской набережной, напротив теплохода-ресторана «Пришвин», захлопал салют.

Пока тусклые в дневном свете залпы оседали над рекой, все, кто работал в «Антидоте», оставили дела и подошли к окну, чтобы в деталях рассмотреть новое первое лицо.

– Молодой какой, – сказал кто-то.

– И волосы густые, и не седые почти, на висках только.

– Кожу подтянули.

– Вообще посвежее стал, конечно.

– Круто сделали.

– Я б ему дала, а то достало старичьё, – сказала Марина.

– Ты кого, Марина, старичьём назвала? – хохотнул в своём угловом аквариуме директор Серёжа.

– Ой, Серёж, точно не тебя, – засмеялась мелко Марина. – Ты клёвый и молодой, здесь и без тебя хватает.

Лишнев повернулся к Марине, хотел спросить у неё, что она имеет в виду и кого это здесь хватает? Но не спросил, потому что тридцатипятилетний Серёжа из своего аквариума сделал в его сторону указательным пальцем такой жест, как будто стрелял из пистолета, как будто говорил: что, попало в тебя, да? – и только луч вечернего солнца блеснул на стальном корпусе громоздких Серёжиных панераев. И ведь не поспоришь, потому что действительно попало: он, Лишнев, был в «Антидоте» самым старшим, а значит, Марина говорила правду, и нечего тут отношения выяснять, если нечем ответить.

Рядом со столом Марины, под подоконником, возле чёрной пластиковой корзины для мусора, стояли её туфли, девять пар: серебряные с металлическими заклёпками на носке, три пары красных разного оттенка, три пары чёрных и голубые с блеском. Лишнев, когда увёл глаза от пальца Серёжи, упёрся в них взглядом. Изнутри все туфли были отделаны светлой, телесного оттенка кожей и выглядели как запасные части тела, которые Марина снимала, надевала и снова снимала.

– Так, ну ладно, – крикнул из кабинета Серёжа. – В честь рендера объявляю короткий день. На сегодня всё!

В офисе как страницу перевернули или переключили канал: все заговорили, засмеялись, отошли от окон, начали собираться домой.

Лишнев тоже засобирался – сохранил таблицу с цифрами по итальянскому направлению за месяц, спрятал в сумку пакет с пластиковым контейнером, где лежали остатки обеда, и переобулся из офисных лоферов со стоптанными подошвами и протёртыми изнутри задниками в кроссовки. Он наклонился, чтобы задвинуть лоферы под тумбочку, а когда вынырнул из-под стола, к нему шёл Серёжа. В руках у Серёжи была стопка распечаток.

– Я к тебе, – сказал Серёжа. – Задержись ненадолго. Дело есть.

Лишнев на всякий случай ещё раз нажал на клавиатуре Ctrl + S.

– В понедельник нужна презентация по результатам квартала для инвесторов. Будем новое направление открывать. Я тебе скинул в почту пару таблиц, и вот это тоже посмотри, – Серёжа положил распечатки на стол Лишнева. – Возьми отсюда цифры и покажи красиво.

– Пятница же, – сказал Лишнев. – Когда я всё сделаю?

– Слушай, там на полчаса, – Серёжа усмехнулся. – Просто цифры посмотри и расставь по слайдам.

Вдоль офисного окна на фоне панорамы Лужников прошла Марина в розовом спортивном костюме. У дверей опенспейса она остановилась и посмотрела в сторону Лишнева с Серёжей.

– Давай, не подведи, а то премии нам не видать, – Серёжа подмигнул Лишневу и двинул к дверям, подскакивая на ходу. На животе и по бокам у Серёжи через пояс брюк свисала пухлая складка, и на бегу она тоже подскакивала.

Лишнев просидел над презентацией до темноты – сводил таблички, подставлял цифры, сверялся с распечатками, вычитывал. Когда уставал, смотрел вприкуску порно. В половину десятого уборщица, молодая казашка в синем рабочем халате, кедах и ярко-жёлтых наушниках погасила в опенспейсе ненужное освещение.

На улице стало тише, рассосалась пробка на кольце. Новый Президент-бот улыбался и панорамно сиял с гигантской плазмы посвежевшей подтянутой кожей.

В одиннадцать вечера Лишнев закрыл наконец эксель и пошёл прочь по пустому офису.

– Ненавижу, суки, гады, – тихо сказал он, стоя возле окна на лестничной клетке. – Когда это всё кончится уже?

В окне на фоне чёрного неба с тонкой оранжевой полоской погасшего заката вдоль горизонта отражалось его лицо, обычное, ничем не примечательное, немолодое и круглое, чуть провисшее по-хомячьи по краям скул, с глубокими складками, отходящими от крыльев носа, и тремя продольными морщинами на лбу. Волосы в стекло разглядеть было сложно, но Лишнев и так знал, что их становится меньше, особенно посередине головы. Отражение ничего не ответило Лишневу. Приехал лифт и увёз его вниз.

Если бы полицейский дрон, с вечера пятницы занятый патрулированием Тверской и окрестностей, переместился бы субботним днём в пространство над улицей Вавилова и просканировал бы одно из окон одноподъездной башни, то оператор дрона увидел бы на своих камерах Лишнева – одинокого физического, который ходил по квартире и разговаривал сам с собой.

По вибрации стёкол дрон распознал бы отдельные слова, а искусственный интеллект СОН определил бы их как нецензурную брань и угрозы в адрес другого физического. После этого СОН объявил бы оранжевый уровень тревоги и выслал бы к Лишневу наряд.

Возможно, камера дрона зафиксировала бы также, что в ушах одинокого человека нет никаких устройств для воспроизведения звука, данные трекинга подтвердили бы, что отсутствует и встроенный блютуз-передатчик. Тогда СОН классифицировал бы происходящее как психическое расстройство в стадии обострения, и вместо усиленного киберпсами полицейского экипажа на улицу Вавилова отправилась бы бригада санитаров.

Лишневу повезло, что дом, где он мерил шагами малометражную однокомнатную квартиру, был до четвёртого этажа укрыт разросшимся ясенем. Дрон не мог его увидеть и помешать ему разговаривать с несуществующим собеседником тоже не мог.

Говорил Лишнев с Серёжей.

Он начал, как только проснулся. Сначала у себя в голове раскладывал, что скажет он, что ответят ему, и в голос заговорил ближе к обеду.

– Абсурд какой-то, – зашёл Лишнев издалека. – Если бы ты мне раньше сказал, что нужно к понедельнику, я бы как-то всё распределил, не сидел бы до одиннадцати.

– В пятницу! – Лишнев поднял к лицу руки и потряс ладонями.

– Сам-то, небось, ебаться поехал? – Лишнев навис над столом, за которым сидел воображаемый Серёжа.

– Сука, гад! – на этой реплике Лишнев ударил по столешнице кулаком и ушиб костяшку мизинца.

– Вот уйду, и ебитесь сами со своими табличками, понял, гандон? – Лишнев стискивал челюсти и одними губами выплёвывал слова в зеркало над раковиной в совмещённом санузле, пока держал ушибленную руку под струёй холодной воды.

– Уйду, – тихо и глухо повторял он, подхватывая ногтем содранный лоскуток кожи на кулаке.

– И деньги ваши мне не нужны, – кожа не поддавалась, и Лишнев вцепился в лоскуток зубами.

Со стуком запрыгал по белой крышке стиральной машины телефон, на экране всплыло профайл-фото лендлорда: худой, с тёмной миллиметровой щетиной на черепе и впалых щеках человек в зеркальных очках стоял в треть оборота на фоне бутылочно-зелёной стены. Костлявый и похожий на топор нос его был скошен вправо, как будто свёрнут.

– Салют, – сказал лендлорд и чавкнул жевательной резинкой. – Тринадцатое число. Я ничего не получил.

Лишнев провёл ушибленной рукой по лбу и наверх, по редющим волосам. В зеркале было заметно, как опухла и начала темнеть в месте удара костяшка мизинца.

– Привет, – Лишнев так и остался стоять с ладонью на голове, другой рукой прижимая к щеке телефон. – Я в понедельник переведу, у меня аванс в понедельник. Ну, то есть он тринадцатого, но если на тринадцатое выходные выпадают, то его переносят на понедельник. В общем, в понедельник до обеда.

Профайл-фото лендлорда молчало сквозь зеркальные очки.

– До обеда, – сказала трубка и чавкнула.

Лишнев дважды кивнул, глядя в зеркало.

– Да, конечно. Всё сделаю.

Лендлорд отключился.

– Сука, – сказал в пустую трубку Лишнев. – Гад.

Три часа спустя Лишнев лежал голый на хозяйской полуторной кровати с полужёстким продавленным посередине матрасом. На стене напротив висел телевизор, прошлогодняя модель с улучшенной цветопередачей. В нижней части экрана оранжевым светилась полоска перемотки, сам экран был тёмным, но за темнотой можно было разглядеть несколько обнажённых человеческих тел, поставленных на паузу – Лишнев только что удовлетворил себя под фетиш-оргию, которую нашёл по ключевым словам: офис, каблуки, групповуха. Если бы не разросшийся ясень под окном, то полицейский дрон отметил бы, что телевизор не подключён ни к одной государственной сети и используется только для несертифицированного просмотра неустановленных видеоматериалов – не самое серьёзное нарушение, но вместе с другими несоответствиями может вызвать вопросы.

Завибрировал телефон. Лишнев нажал «Принять видеозвонок». На экране появилось лицо пожилого мужчины. Редкие седые волосы торчали прозрачным гребнем сверху головы и клочьями по бокам, белели отросшим щёки и подбородок. Позади мужчины желтела спинка

спального гарнитура карельской берёзы – золотистая, с мелкими тёмными сучками, похожими на соски.

– Ты почему голый? – спросил мужчина.

Лишневу прикрылся покрывалом, поднялся на своей кровати и тоже сел. Они с мужчиной стали в этот момент похожи, только фон позади Лишнева был белый, обычный кусок стены, обезличенная коммерческая жилплощадь для одинокого физического лица.

– Спал, – ответил Лишневу. – Устал за неделю. А у тебя что? Как здоровье?

– Здоровье моё его волнует, посмотрите, – когда мужчина раскрывал рот, в переднем ряду снизу и сверху торчало по одному тёмному жёлто-коричневому зубу, остальное пространство во рту было пусто и черно. – Ждёшь, что кони двину? Думаешь, как бы квартиру заполучить?

Мужчина засмеялся. Из чёрного рта появился белёсый язык, в камеру телефона полетели капельки слюны.

– Денег нам с Любой переведи, – мужчина приблизил лицо к камере, так что стали видны пигментные пятна на коже. – Ты там что, уморить нас решил?

Мужчина смотрел в камеру телефона с усилием, прищурился и отведя в сторону подбородок.

– Переведу в понедельник, – сказал Лишневу. – Я помню.

– Помнит он, – мужчина показал одинокие зубы. – Ты про квартиру даже не думай. Не дождёшься, понял?

На этом экран погас.

Лишневу лёг на спину. Локтем при этом он случайно нажал на пульт телевизора, и потемневшая на паузе оргия ожила, задвигались члены и рты, а громкость скакнула на максимум. Лишневу стал ловить пульт, а тот убежать от него, выскальзывать, поворачиваться не тем боком – и выключил он телевизор, только когда по трубе отопления уже стучали откуда-то из глубины дома.

Лишневу завернулся гигантской самокруткой в покрывало, свернулся калачиком, поджал ноги к груди.

– Суки, гады, – прошептал Лишневу. – Когда всё это закончится, а?

В воскресенье на улицах Центрального округа Распределённой метрополии людно. Сегодня праздник, первые послевыборные выходные, традиционный день, когда физические едут в центр гулять вдоль бульваров и пить кофе у прудов. Лишневу тоже отправляется в центр. Он едет на метро до Чистых, там поднимается вверх и направляется по бульварам вниз, в сторону Неглинной.

От ходьбы на свежем воздухе ему становится весело, воздух разгоняет кровь, и даже воображаемый Серёжа как будто уменьшается в размерах, отползает куда-то в сторону сознания.

Светит солнце, с экрана на крыше Центрального банка смотрит новый Президент-бот. Он улыбается, склоняет голову чуть вбок, в уголках глаз видны тонкие морщинки.

Лишневу доходит до Неглинной, по ней до Кузнецкого и сворачивает в сторону Большой Дмитровки.

По дороге он искоса смотрит на своё отражение в витринах, в окнах домов и припаркованных вдоль улицы автомобилей. Каждое стекло, каждая гладкая поверхность, способная отражать свет, показывает ему лысеющего сорокалетнего офисного работника, показывает скоротечно, на секунду, и тут же сменяется бетонной стеной, кузовом грузовичка доставки или вовсе пустым просветом переулка.

Лишневу успевает промелькнуть в зеркальных очках темноволосой девушки, одетой в слишком узкие чёрные джинсы и короткую белую маечку, из-под которой виден пирсинг

в пупке. Девушка идёт на Лишнева с ярко-алой улыбкой, Лишнев видит поверхность её губ, влажную и блестящую, и его сердце пропускает удар от волнения, но девушка проходит мимо и обнимает другого мужчину, Лишнев не успеваеет его рассмотреть, потому что толпа подталкивает Лишнева дальше.

Лишнев останавливается возле чёрного автомобиля с тёмными зеркальными окнами, чтобы посмотреть на своё отражение и убедиться, что он ещё не исчез до конца. В следующую секунду стекло ползёт вниз, съедая отражение Лишнева, а вместо него появляется кто-то неприятный с гладким незапоминающимся лицом, он вопросительно дёргает подбородком, как бы спрашивая Лишнева, какого чёрта он здесь забыл.

«Отпиздить бы тебя, – думает Лишнев, ни к кому конкретно не обращаясь. – Сука».

День яркий и жаркий, и люди вокруг Лишнева слабо одеты. Впереди него идёт пара, парень и девушка, парень положил руку девушке на бедро, он притягивает её к себе, прижимает к своему левому боку, от этого ей неудобно идти, она делает правой ногой короткие неловкие шаги, переваливается.

– Как утка, – говорит Лишнев.

Парень оборачивается, но ничего не говорит.

Впереди улица заполнена людьми, темнеет стена из спин и голов. Лишнев идёт туда. Он один на белом свете, как Президент-бот на экране, и вся разница между ними в том, что Лишнева никто не ждёт и не устраивает в честь него гуляний в солнечный жаркий летний день.

– Суки, – шепчет Лишнев, шурясь на солнце.

Издалека доносятся ритмичные звуки, как будто кто-то смеётся невесёлым смехом. Толпа впереди расплёскивается, как вода в стаканчике в зоне турбулентности, и отдельные капли летят в стороны: Лишнев видит человека, который быстро бежит ему навстречу. Человек высоко поднимает колени, у него широко раскрыты глаза, а нижнюю часть лица закрывает маска. Когда человек пробегает мимо, Лишнев оборачивается ему вслед и смотрит, не двигаясь с места.

Это невозможно.

Это запрещено.

Никому нельзя закрывать лицо, это грубое несоответствие.

За человеком в маске бежит ещё один, за ним ещё, а потом Лишнев видит невероятное: на следующем бегущем по улице Большая Дмитровка человеке надета не просто маска, а чёрная балаклава, из-под которой видны только глаза. Это выглядит так дико и неожиданно, что Лишнев не сразу осознаёт: кроме маски на человеке надет ещё и шлем с прозрачным забралом, форма «Стальной фаланги», а в руке у него зажата резиновая дубинка. Человек с дубинкой бежит очень резво, жёстко всаживая берцы в асфальт, и вскоре догоняет первого, сбивает его подножкой, а когда тот падает на асфальт, начинает наотмашь бить сверху.

Они оба без лиц, один в чёрной маске, второй в чёрной балаклаве и шлеме, и от этого выглядят не вполне людьми, а скорее абстракциями, числами из экселя, которые Лишнев двигает на работе из ячейки в ячейку. Одна абстракция избивает другую, а та уворачивается от ударов и катается по земле.

С экрана над соседним зданием, улыбаясь и склонив голову чуть вбок, смотрит на происходящее Президент-бот. Смотрит ласково и с умилением, как смотрят на щенка или котёнка.

ЧАСТЬ II

1. Китайская картинка

А. вводит в поисковую строку запрос: «protests riots news photo». Она ищет другую картинку, гуглит горячие точки: Минск, Каракас, Тунис, Дамаск. В заголовках новостных лент сегодня почему-то только Китай. Новости из Китая А. пропускает. С тех пор, как Пекин подавил Гонконгское восстание, она объявила свой личный бойкот всему китайскому. Новости не исключение.

Такой картинки, которую делали той зимой в Гонконге, не было ни до, ни после.

«Хорошо им там, – думала А. – Маски, перчатки. Ни следов на поверхностях, ни записей на камерах слежения».

Она следила тогда за блогем гонконгского студента-медика. Днём он работал медбратом в приёмном отделении инфекционной больницы. На нём всегда был костюм химзащиты, респиратор и медицинские очки, которые оставляли на скулах глубокие вмятины. Респиратор он снимал вечером у себя дома и надевал маску как у ОМОНа: маска закрывала всё лицо, а внизу у неё был воздушный фильтр от слезоточивого газа. Студент снимал комбинезон и надевал под одежду мотопанцирь, вроде того, что носит «Стальная фаланга», только тонкий, технологичный и очень лёгкий даже с виду – и шёл на баррикады.

У его блога было полтора миллиона подписчиков – целый город каждый день видел его картинку. Город, рассредоточенный по планете, смотрел, как он готовит на кухне коктейль Молотова, как перевязывает раненых, как перегораживает улицы вывороченными из тротуаров паркоматами.

В Распределённой метрополии, как и в материковом Китае, блог студента-медика был под запретом, и подключаться нужно было через VPN. Технология VPN тоже запрещена, но пользуются ей все – каждый физический живёт двойной жизнью, как гонконгский студент-медик. Только физические в метрополии выходят не на улицы с коктейлями Молотова в рюкзаках, а всего лишь в интернет.

Над кварталом, где расположена квартира А., кружит дрон Министерства противодействия. В десяти минутах ходьбы от её дома площадь трёх вокзалов, огромный кусок пустоты, растянутый на вокзальных шпилях. Пустоту прорезают гигантские экраны, с которых улыбается Президент-бот, помолодевший после Выборных игр. Он с улыбкой смотрит на пустоту над площадью, на площадь, разделённую потоками машин и людей, на пробку возле выезда на Каланчёвскую улицу – эта пробка здесь всегда, её не избежать, не обмануть, выехав чуть раньше или чуть позже, на эту пробку давно махнули рукой, она стала частью природы, как снежные заносы или летние ливни. Президент-бот смотрит на продавцов беляшей, чебуречков и шаурмы, смотрит на грузчиков, таксистов и проституток возле Казанского. Под улыбающимся лицом Президент-бота – бегущая строка, главные новости в режиме реального времени. Открыли новый мост через Волгу в районе Саратова. Запущена очередная станция метро. Готов к старту транспортный космический корабль, он доставит на орбиту оборудование и запас продовольствия для космонавтов. В Китае зафиксирована вспышка нового вируса, количество смертельных случаев растёт, власти закрывают границы, в Пекине вводят карантин.

А. поднимает голову от ноутбука. В окно она видит один из гигантских мониторов на здании Внешэкономбанка. На мониторе – репортажная съёмка, как будто на него вывели трансляцию китайского стримера: улица в Пекине, над городом смог, пыль, жёлтый воздух похож на утренний туман. Много людей. В толпе идёт человек в белой рубашке, он идёт, идёт, а потом

падает, словно его выключили с помощью дистанционного пульта, или как в кино падают подстреленные снайпером. На белой рубашке человека нет следов крови, то, что его убило – у него внутри, это невозможно увидеть. Мёртвый человек лежит на асфальте посреди улицы. Вокруг него собираются прохожие.

2. Кликер

Вика, стюардесса рейса номер 915 Венеция – Москва, заходит в салон, ставит свой чемоданчик на полку и перед тем, как захлопнуть дверцу, вынимает из внешнего кармана чемоданчика кликер. Это очень древний механический кликер, он старше, чем сама Вика, на задней стенке выбит логотип несуществующего завода, непонятное Вике слово «ГОСТ» и номер из девяти цифр. Кликер Вика купила на барахолке в Праге, у такого же древнего деда в серой кепке и тёмно-зелёном френче. На локтях ткань френча блестела, а в кепке застряли опилки. Вика сперва подумала: будильник, просто очень маленький, а когда взяла в руки, не сразу поняла, что это. Блестящий металлической корпус, одна кнопка, колёсики с цифрами. Дед показал большим пальцем – нажми! Вика нажала – правая цифра перескочила на следующую. Дед кивнул, заулыбался. Кликер был приятный на ощупь, весомо оттягивал ладонь и удобно в ней лежал, а стоил какую-то ерунду, две кружки пива. Вика купила его и сразу положила во внешний карман чемоданчика, к зарядкам для телефона и планшета. Тоже старьё из прошлого, но зато, когда прилетели в Джибути, там вообще не было беспроводных зарядок нигде, и все приходили к ней, просили: Вика, дай, Вика, дай.

Давала, конечно.

Теперь перед каждым взлётом Вика с кликером в руке обходит салон, смотрит по очереди в глаза каждому паксу и нажимает кнопку. Кликер щёлкает, со щелчком поворачивает барабан с цифрами от нуля до девяти, а когда регистр переполняется, барабан цепляет другой барабан – и он тоже перещёлкивается на следующую цифру. Закончив обход, Вика смотрит на цифру и сверяется с ведомостью регистрации. И так каждый раз.

Спец из Министерства противодействия, который приезжал в лётный отряд для инструктажа, увидел у Вики этот кликер, взял его, повертел в руках, понажимал кнопку, потряс возле уха. Устройство спецу понравилось, сказал, похож на киберпса. Как будто охраняет тебя, как наших. Старый, ещё советский.

Вика ему тоже понравилась – позвал её на курсы выходного дня в Нахабино, на министерскую базу. Вика поехала. Думала, будет весело, а их посадили на двое суток в актовыв зал, первый день читали лекции с утра до ночи, а на второй заставили разыгрывать сцены с подставными паксами, как будто не паксы, а террористы, и надо понять, кто перед тобой сейчас, пакс или террорист. Учили смотреть в глаза, *eye contact*. Спец из министерства говорил, кликер помогает фокусировать внимание. Посмотрела в глаза – нажала кнопку. В глаза – кнопку. Работают разные участки мозга, замечаешь больше деталей.

Вика на второй день занятий не надела трусики, думала: заметит спец деталь или не заметит? Ей сначала показалось, что не заметил, но после курсов стал ей писать в инсту, в директ, сердечки присылать, цветочки – заметил. Правильно, он же контрразведчик.

На курсах им говорили: вы теперь не просто бортпроводники, а человеческие датчики, часть системы СОН. Ваша задача – по глазам прочитать пакса и, если что-то покажется странным, подать сигнал командиру.

С тех пор Вика искала в глазах паксов странное. И её кликер действительно блестел и клацал как киберпёс. Вика видела такое: вот кто-то подозрительный, а из-за угла выходит пёс – и за ним. Клацает, клацает, человек ускоряет шаг, клацает громче, а если побежать, то пёс кинется, и тогда в ту сторону лучше не смотреть.

Вика достаёт кликер из внешнего кармана чемоданчика и кладёт в карман кителя. Если сразу не взять, то, когда народ повалит, времени уже не будет.

Полгода назад авиакомпания урезала расстояние между рядами на пару сантиметров, немного, так сразу и не заметишь, но зато удалось втиснуть три дополнительных ряда, а это

плюс двадцать четыре человека. Куча денег, и всё за пару сантиметров. Зарплату Вике, правда, не увеличили, только на кнопку кликера ей теперь нажимать на двадцать четыре раза больше и разносить дополнительные двадцать четыре порции еды. Спец из министерства говорил: если что-то показалось странным – подавай сигнал.

Вике кажется очень странным, что работы стало больше, а денег больше не стало.

Пилоты готовятся к взлёту. Вика стоит возле входа, рядом с дверью в кокпит.

Бригада уборщиков закончила пылесосить и протирать подлокотники полчаса назад, для Италии это быстро. Правда, из Москвы летели пустыми, треть мест не занята, будний день, середина недели. Самолёт оставили чистым. Зато обратно будет битком, как обычно, и все злые. Возвращаться в метрополию никто не любит, домой летят нервные, пьют больше, но не весело, как если в отпуск, а тоскливо: ругаются, скандалят. Спец из министерства говорил: на обратном пути держи нос по ветру. Или ухо остро. Одну из этих поговорок.

Местные сегодня тоже невесёлые. Техники, секьюрити на выходе, таможенники – говорят мало, если по местным понятиям, то просто молчат. Обычно чао, белла, чао, белла, а сегодня ни слова. Погода, правда, не задалась – небо серое, дождь – но это же север, Венеция, ранняя весна. Рейс отстой, на земле два часа, из самолёта даже не выйдешь, ничего не купишь. Зато завтра – Рим, утром туда, поздно вечером обратно, можно в город, там новый экспресс пустили, если вылететь вовремя и прилететь по расписанию, как раз успеешь на поезд. Битком, конечно, будет, и в поезде не протолкнуться – одни туристы, зато уже тепло, не то что в мартовской метрополии: плюс пятнадцать, солнце. К концу года обещали ещё на сантиметр сдвинуть ряды, чтобы ещё побольше кресел вставить, хотя куда уже, и зарплату не повышают.

– Начинаем посадку! – хрипит интерком на стене.

Шестеро бортпроводников расходятся по местам, двое у входа, один в бизнесе, двое в экономе и одна в хвосте. Три мальчика, три девочки. Их и на работу берут по квоте, и по экипажам расставляют, чтобы мальчик-девочка. Встают, готовятся. Сейчас начнётся. Четыре сотни человек, сумки, коробки, мешки. Двадцать минут на всё про всё, багаж разложить, людей посадить. Потом – кликер в руку, и вперёд по салону. Считать, смотреть в глаза.

Стоят, ждут.

– Слышь, Вик, – спрашивает через пять минут бортпроводник Миша. – А где люди-то?

У Миши широкие плечи, узкие бёдра и красивый член. Они встречаются с Викой уже полгода, уезжают вместе в город, когда есть окно между прилётом и вылетом, снимают отель, зависают на час или два, потом идут обедать, потом возвращаются в аэропорт. Отношений не скрывают, во время рейса почти не общаются, только если по работе. Завтра в Рим они летят в одном экипаже, как сегодня в Венецию.

В рукаве пусто. Потом они слышат шаги – идёт человек. Идёт быстро, как будто спешит или как будто стальной киберпёс бежит за ним и клацает, как Викин кликер, когда она считает паксов.

Человек появляется из-за поворота рукава. Высокий, красивый, хорошо одетый, небольшой рюкзак на плече. Никаких пакетов и коробок. Молча кивает Вике и Мише, показывает корешок посадочного – бизнес-класс, второй ряд – проходит на своё место. Уже возле кресел оборачивается:

– Виски принесите, пожалуйста.

И садится.

Вика наливает в стеклянный хайбол чёрный «Джонни Уокер», ставит на поднос, несёт. Пакс выпивает залпом, протягивает пустой хайбол Вике.

Вика наклоняет голову, ловит его взгляд, как учили.

Пакс смотрит с вызовом:

– Что?

У него крупные губы, они блестят от виски.

– А, министерство? Тренинг? *Eye contact*? Вы адресом ошиблись. Другого кого-нибудь проверьте.

Он кивает головой, показывает вокруг себя, как пьяный. Но говорит при этом связно, язык не заплетается.

– Ещё принесите.

Вика берёт хайбол рукой в белой нитяной перчатке, разворачивается и идёт ко входу. В открытую дверь видит двух техников, они стоят в трубе, смотрят в смартфоны.

– Позвони на регистрацию. Что там у них, – говорит Вика Мише. Миша снимает трубку интеркома, нажимает кнопку на панели.

– Это девятьсот пятнадцатый, на Распределённую. Мы ждём. У вас всё в порядке? Может, рейс перенесли? – Он улыбается, потом перестаёт, губами всасывает улыбку внутрь. – Понял. Хорошо.

Кивает головой, смотрит искоса на Вику, вешает трубку.

– Это всё.

– В смысле «всё»?

– Больше нет никого. Никто не зарегистрировался на рейс, кроме этого, – Миша дёргает подбородком в сторону салона. – Они там сами ничего не понимают. Говорят, кто-то заболел.

– Они там сами заболели.

– Да, так мне и сказали.

– Что тебе сказали?

– Что заболели, поэтому не зарегистрировались. Что, наверное, никто больше не придёт. Что город закрывают. Спросишь у пилота?

Миша смотрит на Вику как щенок, снизу вверх. Вике нравится, когда он платит за неё в ресторане, и в постели с ним Вике тоже нравится. Она даже губы для него сделала, только-только опухоль сошла (а зарплату так и не повысили). Вика коротко выдыхает, тянется к интеркому – вызвать капитана.

За секунду до того, как она дотрагивается до кнопки, интерком мигает красным и хрипит:

– Заканчивайте посадку, сейчас полетим.

Вика замирает с вытянутой рукой. Смотрит на Мишу, потом в салон, где сидит красивый хорошо одетый мужчина.

– Двери в положение armed, – тихо говорит Вика. – И виски налей ещё.

3. Чума

Серёжа пил второй день – спасался от стресса. Толком ещё ничего не началось, ни границы не закрыли, ни авиасообщение не отменили, а стюардессы, по ходу, вообще не в курсе. Но самолёт пустой – огромный и пустой – и это похоже на фильм про нашествие инопланетян, когда герой субботним утром едет к морю в кабриолете с открытым верхом, играет радио, и вдруг диджей куда-то пропадает, а вместо него включается густой немодный баритон: «Внимание! Передаём важное правительственное сообщение». И сразу, ещё до сообщения, понятно, что всё, что не будет уже ни моря, ни субботы, ни воскресенья, и хорошо, если успеешь до дипмиссии добраться.

В Индии у него такое было десять лет назад. Индусы тогда закрыли границы за одно утро, и в стране остались полтора миллиона туристов, в том числе и Серёжины три группы. Тогда он попал по глупости – не сбежал сразу – и заплатил за это двумя месяцами карантина в тараканике на берегу океана. Хрен ли толку с этого океана, если он даже из дома выйти не мог? Его там заперли с этой девкой, Наташей из Сургута, приехала на ретрит или что-то в этом роде: йога, прана, медитация. Дочка у неё ещё была. Через месяц, понятное дело, спали с ней, а когда сняли карантин, сбежал из гестхауза, заплатил за такси её серьгами и обручальным кольцом – ехать надо было, а деньги у него кончились, банки не работали, не мобилу же отдавать. А ей уже, по совести если, обручальное кольцо и не нужно было, зачем ей обручальное кольцо? Два месяца с чужим мужиком – ребята из Сургута такого не поймут, хоть там карантин, хоть что.

В Азию с тех пор Серёжа ни ногой, ни сам не ездил, ни возил никого, ну её к черту, йоги эти, болезни, грязь. Переключился на Европу: совсем другие люди, совсем другие деньги, всё чётко, а главное – он так думал – безопасно. Безопасно! Никаких карантин, ничего этого. И вот, привет родителям. Смерть в Венеции. Чёрт бы их взял с их каналами и старьём. Наверняка же из-за воды, сколько там всего, в этих каналах.

Когда выпивал, помогало. Успокаивался на время, адаптировался к реальности. Потом трезвел, и всё сначала. Пустой самолёт. Люди в костюмах химзащиты. Пустая лагуна, только подпрыгивают на волнах жёлто-белые санитарные лодки.

Шестую порцию чёрного «Джонни Уокера» Серёжа расплескал на кардиган *Gucci* из какой-то там шерсти девственной альпаки, он не помнил, да и что там помнить, коза и коза. Ему повезло, что вообще на рейс попал. Мог и не попасть – это ведь из его отеля забирали человека в тройном пакете, проштампованном знаками *Biohazard*. Приехали, высадились на набережную перед отелем, в оранжевых комбинезонах, в шлемах-пирамидах. Потом выкатили носилки на задний двор, погрузили в медицинскую лодку и отчалили.

Серёжа ещё помнил времена, когда в этот отель без галстука не пускали.

Если бы не бутылка красного и не три рюмки граппы поверх, сбежал бы сразу, уже вчера, первым рейсом, после того, как тот мужик на улице перед ним упал и начал хрипеть. Но от граппы развезло, уснул и опомнился только утром, когда посмотрел из окна, а там эти, в оранжевых костюмах. Всё понятно, он не тупой, Серёжа, ему три раза объяснять не нужно.

Выбраться из города по воде он даже не пробовал. Шоссе почему-то не перекрыли, то ли забыли, а может, решили, что раз остался единственный путь, то его проще контролировать.

Он бросил в отеле чемодан с одеждой – всё новое, только что купил в Милане, недели не прошло, пятнадцать тысяч евро на круг вышло. Ушёл, не заплатив, себе оставил только рюкзачок *Gucci*. Девка эта на ресепшене нехорошо посмотрела, когда он выходил с рюкзачком, то ли поняла, что к чему, то ли просто не любит туристов. Сейчас, наверное, разбирает его вещи, думает, повезло.

Он дошёл до вокзальной площади, где заканчивались каналы, взял первое попавшееся такси, сел: в аэропорт. Водитель что-то говорил про чуму, про карнавал – Серёжа не слушал,

сидел, прижимаясь к двери, смотрел в окно, ждал, что сзади замигают полицейские маячки, перегородят дорогу карабинеры, выйдут из машин уже в костюмах химзащиты, и поверх будут ремни с кобурами.

В самолёте Серёжа открыл ноут, подключился к дорогому аэрофлотовскому вай-фаю. Вставил в уши эйрподы, нашёл контакт Марины, ткнул в иконку с трубкой. Марина подключилась сразу – ждала, сидела в чёрном кружевном у себя дома, на кровати с кованой спинкой. Кровать он ей и подарил, когда у них только начиналось – любил, когда приковывала его к спинке и хлестала трусами по лицу, а потом садилась сверху.

– Так, слушай меня. Продавай всё со скидкой. Ставь на все билеты до восьмидесяти. Все туры, все брони, всё, что можно продать, сливай к чёрту. Начинай с тридцати, потом увеличивай.

Марина наклонилась к камере ноута, наморщила лоб между свежесделанными бровями.

– Что-то случилось? Ты в самолёте?

– Случилось, случилось. Скоро узнаешь. Пока не узнала – продавай всё. Блогеров своих подключай, раздавай им там что-нибудь, не жалей, времени мало. И этого доходагу Лишнева уволь, сама сделай, пока я в офис не пришёл. Дай ему одну зарплату в зубы, пусть идёт к чертям. Аренду выводи, офис нам больше не понадобится.

– Серёжа? У тебя всё в порядке?

– У меня ничего не в порядке, и у тебя ничего не в порядке, посмотри, я в пустом самолёте сижу, видишь? Здесь нет никого, они все болеют чем-то идохнут на улицах, какая-то чума здесь, понимаешь? Чума, погугли, Марина!

Серёжа поднимает ноут, чтобы Марине было видно пустой самолёт.

На экране ноутбука Марина видит позади Серёжи шестерых бортпроводников. Мальчик-девочка, мальчик-девочка, мальчик-девочка. Они стоят и смотрят на него. Двое держатся за руки.

4. Труп-тур

Ночью бизнес-аналитику туристического агентства «Антидот» Лишневу снится сон.

Во сне он оказывается в просторном помещении, в котором узнаёт квартиру своего отца на Большой Спасской, где не был уже больше года. В квартире много людей, это его коллеги, с которыми он проводит свои дни в опенспейсе, но выглядят они очень странно. Каждый человек в его сне лишился лица: вместо лиц у них мутно-белые пластины треугольной формы, похожие на заготовки для масок из матового пластика, на этих заготовках нет ни отверстий для глаз, ни выступающего носа, это просто полукруглые сужающиеся книзу щитки. Люди с матовыми щитками вместо лиц ходят по комнатам, превратившимся в залы вроде выставочных, белые и просторные, с красивой белой мебелью: Лишневу запомнил диваны, дорогие, обтянутые приятной на ощупь породистой мягкой кожей.

В одном из залов, вдоль которых Лишневу скользит как на воздушных коньках, люди без лиц собрались вокруг Серёжи. Он единственный здесь, кого с уверенностью можно узнать, он темнее остальных, словно бы в нём течёт более густая и тёмная кровь, да и лицо у Серёжи на месте. Лишневу подлетает к нему и слышит слова, которые Серёжа говорит:

– Выезд задерживается. Границы мира живых закрыты. Поэтому мы решили перепрофилировать агентство и будем отправлять людей в смерть.

– Убивать! – кричит Лишневу, и его коллеги с масками вместо лиц отшатываются от него одуванчиками на ветру. – Абсурд!

Он хочет сказать ещё что-то, много всего, слова громоздятся и толкают друг друга у него в горле, но ему не хватает сил расставить их по смыслу, к тому же смысл этот он забыл.

Тёмный Серёжа напротив него спокоен и улыбочив.

– Ты смешной, – отвечает Серёжа. – Не убивать, а отправлять в путешествие. Как раньше в другие страны. Труп-тур, понимаешь?

Серёжа разводит руками, и на белой стене за его спиной проявляются полки винного холодильника в кабинете-аквариуме, с дорогими бутылками, только теперь все бутылки наполнены чем-то очень тёмным, гораздо темнее вина, почти чёрным, как Серёжина кровь, а в середине каждой бутылки слабо поблёскивает золотистая искра.

– Труп-тур, – повторяет Серёжа. – Чтобы текли цифры.

Лишневу просыпается в квартире на улице Вавилова. На стене напротив кровати висит чёрный прямоугольник телевизора. Из-за светового эффекта, которые создают лучи солнца, пробивающиеся через листву ясеня за окном, кажется, что изнутри экрана пробивается слабое свечение.

Потом прилетает облако, закрывает солнце, и эффект исчезает.

– Труп-тур, – повторяет Лишневу пойманное во сне слово.

Он встаёт, надевает банный халат, который три года назад увёз из турецкого отеля – за это время халат пожелтел под мышками и потемнел по краям рукавов, эти следы невозможно отстирать – и идёт на кухню, где собирает себе простой завтрак: варёное яйцо, бутерброд с куском костромского сыра, чашку кофе.

Завтракает Лишневу под выпуск новостей на экране ноута.

«На сайте, – говорит ведущая, брюнетка с короткой стрижкой и глубоким голым треугольником между лацканами чёрного пиджака, – собрана вся доступная статистика по новому заболеванию. Количество заражённых, количество выздоровевших и, к сожалению, количество умерших».

Лишневу разрезает яйцо, чиркает ножом о тарелку. Не до конца загустевший желток влажно блестит посередине. Огибая чашку с кофе, Лишневу тянется рукой к клавиатуре, наби-

рает в адресной строке длинную комбинацию букв, щёлкает пробелом, и пока сайт загружается, успеваает отправить половинку яйца в рот.

Желток горячо растекается по языку, а на экране ноута посреди чёрного фона всплывает красное число.

63953

Лишнеv нажимает Ctrl + R.

63970

Ещё раз Ctrl + R.

64038

Над числом написано два слова: Global Deaths.

5. Таблица

Рабочий стол Лишнева в офисе «Антидота» повернут спиной к стене, и даже камеры рядом нет, поэтому экран его компьютера никто, кроме него, не видит.

Обычно, чтобы отвлечься от повседневной рутины, он включает порно, но сегодня ещё до того, как открыть табличку экселя с данными за последний месяц, Лишнев набирает в строке браузера длинный адрес сайта с красной цифрой.

Он сидит и смотрит на неё, иногда нажимая Ctrl + R.

На клавиатуре от частого использования протёрлась посередине клавиша «Пробел», и светодиод подсветки золотисто просвечивает изнутри.

Лишнев исследует сайт и находит архив: количество заразившихся и умерших за месяц, за два и раньше, вплоть до того момента, когда появился первый пациент. Он смотрит на цифры, как будто это их нужно внести в презентацию для начальства, и в его голове сам собой, по привычке, наработанной годами, строится график, хоть сейчас бери и делай Ctrl + C – Ctrl + V. Этот график поднимается вверх по траектории баллистической ракеты: ещё десять дней назад красная цифра увеличивалась медленно, но за прошлую неделю рост ускорился.

Лишнев делит экран на две части. Слева по-прежнему открыт сайт с красной цифрой, а справа он запускает свою главную таблицу, куда подтягивается вся информация по билетам, перелётам, туристическим группам, броням отелей – весь бизнес «Антидота».

Таблицу эту Лишнев делал сам: прописывал связи, вводил формулы. Он знает её наизусть, может не глядя назвать столбец и ряд, куда смотреть, чтобы найти данные за последние три года, а если нужно, то и раньше. Может нарисовать диаграмму, как шли дела в зависимости от сезона, погоды и курса валют. Может спрогнозировать, как пойдут дела в ближайшем будущем, недели через две, и – с меньшей точностью – в будущем более отдалённом. Каждый день бизнес-аналитик Лишнев следит за цифрами в этой таблице, уточняет значения, проверяет формулы, копирует данные в отчёты и раз в неделю отправляет отчёты Серёже.

Страны, в которых он никогда не бывал, ночные рейсы, пересадки в незнакомых аэропортах, слепящий белый камень приморских набережных, выставки современного искусства, мировые театральные премьеры, секретные бары, свингер-клубы, опиумные притоны – жизнь, которую проживали клиенты «Антидота», просеивается сквозь сито экселя, а Лишневу от неё остаются только цифры, блестящий золотой песок на дне.

Он смотрит на них и видит, как его таблица пустеет.

Обезличенные данные, похожие на людей в одинаковых масках, отползают в верхние регистры. Там, под рамкой экрана, находится прошлое, где следом за цифрами исчезает и жизнь, сделанная из автоматических объявлений в залах ожидания, гула багажных лент в залах прилёта, перестука печатей в зоне пограничного контроля, запахов бензина и шин на стоянке такси.

Эта жизнь останавливается, стихает, замолкает.

На смену ей ползут снизу вверх пустые ячейки – и у Лишнева нет новых цифр, которыми он мог бы их заполнить.

Неделю назад страны, которые первыми попали под смертельную волну, начали закрывать границы.

Самолёты не летают. Туристы больше не бегут между терминалами на стыковках. Нечего заносить в эксель, нечего анализировать, неоткуда брать больше и некуда кидать дальше: цифры перестают течь.

Мир останавливается и пустеет на глазах.

Только красная цифра на чёрном фоне растёт, как будто хочет заполнить собой эту пустоту.

Лишнеv читает в новостях: «В метрополии от вируса скончался первый инфицированный». В больнице на Юго-Западе. Женщина семидесяти лет, кроме вируса у неё были диабет и гипертония. В комментариях пишут: она бы и так умерла, что вы паникуете. В комментариях пишут: это сезонное, это просто ОРВИ. Это от курения. Это от сухого воздуха, от весны, от пыления берёзы.

Лишнеv поднимает голову от своего рабочего компьютера и слышит привычные звуки офисной жизни: шелестит бумага в принтере, повизгивает старый ксерокс, гулко стучат каблуки по ковровину, гудит кольцо за окном, Президент-бот улыбается с экрана над крышей Большой спортивной арены Лужников, одновременно моложавый и умудрённый опытом, и бежит внизу строка новостей. Как будто ничего не изменилось. Коротко звенит оповещение мессенджера.

Лишнеv кликает иконку с конвертом: «Зайди ко мне», – пишет Марина. Лишнеv нажимает напоследок Ctrl + R – красная цифра обновляется ещё раз – встаёт и идёт.

6. Компенсация

Серёжа в офисе «Антидота» не появляется уже месяц, и его кабинет теперь занимает Марина. В солнечные дни она опускает в кабинете жалюзи, чтобы не становилось слишком жарко, а в дождливые включает от сырости обогреватель. В этом году апрель холоднее, чем обычно, и индикатор обогревателя освещает красным ноги Марины и девять пар туфель, которые она принесла с собой и поставила рядом с креслом, словно запасные части своего тела.

– Садись, Лишнев, – говорит Марина из-за монитора.

Напротив Марины серый офисный стул на четырёх ножках, обтянутый неприятной колючей с виду серой тканью вроде искусственной шерсти. В углу возле винного холодильника есть диван, почти как из сна Лишнева, белый и дорогой с виду. На диване, занимая половину его, лежит лаково-чёрная сумка Марины с алой изнанкой. Сумка похожа на вагину чернокожей порноактрисы, на которую Лишнев недавно подписался в инстаграме.

Он садится на стул.

– Ты, наверное, уже догадался, Лишнев, – говорит Марина. – Такое время. Сокращаем штат. Серёжа сказал, ему очень жаль. Ещё он сказал, что мы не прощаемся, а расстаёмся на время, с надеждой на будущее сотрудничество. Ты получишь компенсацию, и за отпуск тоже выплатим.

Марина говорит и говорит. Лишнев смотрит сначала на струи воды, стекающие по стеклу, потом под стол, на её ноги и туфли в красном свете – тот самый оттенок красного, которым светится на экране его рабочего компьютера цифра Global Deaths.

– Сколько? – спрашивает Лишнев, глядя под стол.

– Что «сколько»?

– Компенсация сколько?

– Один оклад.

– Хорошо. Я пошёл тогда?

– Тебе что, Лишнев, всё равно?

– Всё закончилось, Марина, – говорит Лишнев.

– А ты и рад, я не пойму? Мог бы и сам уйти, если тебе так здесь всё не нравилось. Как будто тебя здесь силой держали.

– Я не про это, – говорит Лишнев. – Ты никогда не спрашивала себя, когда это всё закончится? Задавалась таким вопросом? Ну, если попадала в какую-нибудь неприятную ситуацию?

– Ты сумасшедший, что ли, Лишнев?

– Спрашивала или нет?

– Ну спрашивала, наверное.

– Ну вот оно и закончилось.

– Что именно закончилось?

– Всё, Марина. Ничего больше не будет. А вот туфли у тебя красивые. Можно я одну себе возьму? Любую, какую не жалко? Всё равно конец света.

– Лишнев, я сейчас охрану вызову.

– Не поможет, – Лишнев встаёт с неудобного стула, обтянутого оскорбительной шершавой тканью, выходит из Серёжиного кабинета и шагает по серому офисному ковролину прочь.

Марина смотрит ему вслед. Терморегулятор обогревателя отключается, красный индикатор гаснет, и угловой кабинет туристического агентства «Антидот» становится просто серым кабинетом, как любой кабинет в любом офисе мира.

В тумбочке под столом Лишнева остаётся пара лоферов, в которые он переобувался, со стоптанными подошвами и протёршимися задниками, кружка, пластиковый контейнер с запахом курицы и сувенирный блокнот с логотипом агентства. Другой собственности у него

нет, а эту к вечеру выносит в чёрном мешке и выбрасывает в ободраный зелёный контейнер уборщица.

7. Отец

Возле ротонды метропавильона со стеклянными стенами и цоколем цвета сырой печени рабочие в оранжевых жилетах пилили старую липу. Они уже отстригли сухую безлистную крону и теперь резали на части ствол, обросший вокруг железного забора. Забор стоял здесь всегда, направлял поток физических мимо газона, вдоль осевшего тротуара и дальше по улице, к трамвайной остановке. Липа тоже росла здесь всегда, и постепенно год за годом брала забор в захват, обтекала древесной плотью, куски которой лежали теперь на асфальте, влажно-жёлтые на срезе.

Болгарка визжала в руках тощего парня с жидкой бородкой и дочиста сбритыми усами, высекала из остатков забора тусклые искры. Когда он закончил, двое других рабочих вонзили в землю возле пня стальные ломы, расшатали, вынули, снова вонзили, снова расшатали, и на третий раз пень поддался, полез с треском наружу. Рабочие подхватили его и потащили к своему грузовичку.

Лишнева как раз выходил из стеклянных дверей ротонды. Остановился возле рабочих – посмотреть. На месте липы осталась пустота и кусок неба, которого раньше здесь не было. От этого на улице стало светлее, как будто свет включили посреди дня.

– Убрали наконец, – сказал Лишнева женщине с двумя пакетами, из пакетов торчали углы коробок. – Старьё это убрали.

– Это же дерево, мужчина, – ответила женщина. – Оно кислород даёт. Вы как без кислорода жить собираетесь?

– А так, что меньше народа – больше кислорода, – засмеялся Лишнева и добавил строго: – Надеюсь, у вас там запас питания в ваших пакетах, потому что если нет, то и вам скоро кирдык, как и дереву этому.

Он провёл ладонью по горлу и закатил глаза.

Женщина ничего не ответила и пошла быстрее, переваливаясь с боку на бок, оттого что пакеты были тяжёлые и задевали ей за ноги. На ходу она оглянулась на Лишнева, тот стоял на месте и просветлённо смотрел в образовавшуюся на месте липы пустоту.

В кармане задрожал телефон. Лишнева вытащил, глянул издали: жёлтые волосы на низком лбу, пухлый рот в окружении таких же пухлых щёчек. Люба на своём профайл-фото как будто пол мыла, казалось, она вот-вот наклонится и отождествит в ведро тряпку руками в чёрных хозяйственных перчатках. Лишнева поморщился, вздохнул, щёлкнул по зелёной кнопке.

– С папой плохо, – сказал телефон. – Можешь приехать?

– Здравствуй, Люба, – ответил Лишнева. – Ты что имеешь в виду?

– Я не знаю! – телефон закричал высоко и резко, Лишнева даже отодвинул его от уха. –

Он упал и лежит в коридоре на полу, сознание потерял, я его пыталась разбудить, а он не просыпается!

– Во-первых, он тебе не папа, во-вторых, ты скорую вызвала?

– Вызвала. Ты приедешь или нет?

– Приеду, как только смогу, – ответил Лишнева. – Ты там приберись и присмотри за ним, что ли.

– Да что ты за человек такой! – визгнул телефон, после чего Люба отключилась.

– С папой плохо, – проблеял Лишнева, передразнивая Любу и морща лицо. Потом добавил уже своим обычным голосом: – Сука!

Он по-прежнему стоял перед пустотой на месте спиленной липы и разрезанного забора. Земля вокруг ямы, откуда рабочие выкорчевали ломом пень, начала подсыхать по краям, как подживающая рана. Люди шли мимо Лишнева, кто в метро, кто из метро, несли сумки, пакеты,

рюкзак, а он смотрел в пустоту перед собой, и в его боковом зрении все эти люди сливались в мутный поток без лиц, как в недавнем сне.

В этом потоке он и дошёл до своего дома, когда стоять возле ямы ему надоело.

Дома было всё то же, что и всегда. Лежала на спинке прошлогодняя муха между рамами, на столе темнело пятно засохшего кофе, единственный стул на кухне был повернут к окну, за которым рос ясень. Лишневу прошёлся по комнате, постучал сгибом указательного пальца по окну, по стене, по спинке кровати. Все предметы в его квартире были в одном экземпляре: шкаф, кровать, даже чашка, из которой он пил за завтраком – жилище одинокого человека. Так же одиноко чернел на стене и телевизор, не подключённый ни к одной из сетей.

Лишневу открыл в телефоне адресную книгу и нашёл в ней номер квартирного хозяина: на экране появилось лицо человека в зеркальных очках со свёрнутым на сторону носом, похожим на топор.

– Что случилось? – спросил квартирный хозяин.

– Поговорить захотел, – ответил Лишневу.

– Что-то с квартирой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.